

ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ МОСКВЫ В НИЖНИЙ 1813 ГОДА¹

Причина

По кончине матери моей, сделавшись помещиком и владельцем 400 душ, по наследству законному мне доставшихся, я встретил необходимость ознакомиться с моими поселянами, и для того отправился в Нижний, взяв с собою жену, старшую дочь и двух барышень, живших при матушке. Первое путешествие моё в Одессу имело в основании своём одну прихоть. Нынешнее предпринято из действительной нужды. Воротясь домой и имея много досужного времени, мне захотелось заняться описанием всего того, что я видел. Прочтёт ли кто его, иль нет, о том я не забочусь: довольно награждён в трудах моих тем, что сократил ими длину осенних вечеров, и не чувствовал жестоких припадков той мучительной болезни, которую зовут: скука!

Выезд

Освятив домовую свою церковь в Петров день, и помолясь в ней прилежно, поехали мы, на 15-ти своих лошадях, 5-го числа июля из Москвы, и ночевали в 30-ти верстах от оной, в селе Анискине, у попа на квартире. Погода была хороша, но зверинец ни в какое время неспособен к проезду. Нас колотило в карете, в коляске, без милости. Мы кричали все по очереди: вот начало приятностей в путешествии! В карете сиживали молодые наши девушки, а я иначе не ездил, как в открытой коляске, в вёдро ли, ненастье, а жена моя в ней всегда сидела со мною рядом. Она иногда дремала, а я читывал книжку. Спасибо Жилблазу! Он много меня забавлял своими похождениями, и от этого мне часто вёрсты казались короче, дороги лучше, нежели бы то случилось, если б я катался, сложя руки и глядя на облака...

Нижний

Подъёмные горы со всех пристаней отменно высоки, особенно же круты от Балахны. Сокращённое описание города я дам после. Только что приехал в него, попался нам на встречу племянник мой родной, граф Андрей Ефимовский. Он приезжал принимать во владение часть свою из имения первой жены, подоспела между тем и свадьба двоюродного его брата, князя Черкасского, на дочери здешнего вице-губернатора, Крюкова, и он дождался нашего приезда. Имея здесь родственников по первой моей жене, шурина родного, Смирнова, прокурором, и зятя

¹ Фрагменты из книги: «Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года князя И. М. Долгорукого». Издание императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. Москва. 1870. Подготовка текста к публикации – Редакция журнала «Вертикаль. XXI век».

его, а моего племянника, ассесором в Казённой Палате, я прямо проехал в дом Смирнова, но никого не застал в нём: вся моя родня, да и почти вся публика, была на ярмонке у Макарья. Однако ж, я тут расположился кончить день и ночевать; хотя уже солнышко давно опустилось за полдень, однако мы ещё не ели. В большом свете и позже обедают. Стол готов. Между обедом и ужином интервал был не велик. Вечер пролетел мигом, и мы, выспавшись на хорошем ночлеге, собрались в свою вотчину: до неё от Нижнего 50 верст.

22-го мы выкормили лошадей в Кетове, село Нечаева, сами на скорую руку отобедали, и проехавши ещё до 28 верст, прибыли в самые тёмные сумерки в своё поместье, где на границе все наши крестьяне ожидали нас, как бессмертных, на коленях. Увидя раболепный сей народ, я бросился к ним из коляски. Они ударили челом в сырую землю, и подлинно сырую, потому что роса вилась над нею густым облаком. В туманах её трудно было разглядеть разноцветные головы наших поселян. «Здравствуйте, добрые люди!» – «Здравствуй, батюшка!» раздалось в 4-хстах голосах, и я думал, что я и вправду воевода несметной орды. «Проводите меня скорее на квартиру!» И они, почти на плечах своих, донесли меня в приказную избу, кто из усердия, кто из любопытства, а кто из одного обычая. Не так ли же и мы встречаем владык наших, когда, в излишнем и безрассудном, смею сказать, энтузиазме, уподобляемся лошадям, выпрягаем настоящих и берем их место? Круговая порука! И это провозглашается иногда в местах публичных как подвиг искренней любви. Какой обман уничижительный для всякого состояния людей! Человек и в восхищениях своих должен помнить, что он человек: восторги его, чем благороднее, тем лестнее для виновника их, а вздевать хомут и делаться коренной лошадью, что за слава для обожаемого! Что за жертва от обожателя!

Обращаясь к своим мужикам, и думая о себе самом, я с горьким впечатлением представлял, что 400 человек подобных мне, работают день и ночь, в поте лица своего, промышляют, плавают по рекам и морям, может быть, лишаются сами многого для того, чтоб я был доволен, и отдают мне своих детей, свои деньги. А я что? Человек такой же, как они, и мне всё-таки этого мало! Мой дом в Москве пуст. Я не богат и терплю недостатки. Роскошь столько же давит природу, сколько сильные тела нажимают слабые.

Пофилософствовавши таким образом, я накушался, со своим семейством, за вечернею трапезою, и сон спустился ко мне на постель, где мой Я животный забыл всё до самого утра. О физика! Ты никогда не уклоняешься от путей своих.

Моя деревня

Имение, доставшееся мне, состояло в селе Лопатищах и в деревне Малиновке, в которых в обейих числилось до 400 с небольшим душ¹. Доходу с неё мать моя, которой она принадлежала по приданству, получала 9 тысяч рублей, располагая по 35 рублей с тягла, и по разным закладным в Московском Опекунском Совете и в Петербургском Вспомогательном Банке; на этом имении оставалось долгу с 28 тысяч, которые требовали из дохода в уплату процентов и капитала ежегодно от 3 до 4 тысяч. Из сего видно, что я был не Крез. Положение места гористо, между обоими селениями 4 версты расстояния, обе деревни при большой Макарьевской дороге, то есть, в завороте к ним небольшие полуверсты крюку. Воды, кроме колодезей, никакой, но Волга, будучи от них недалеко, доставляет множество промышленности, и от того мужики почти все достаточны. Прибытки их растраиваются более всего отдачею рекрут, коих они ред-

¹ Макарьевского Уезда, при колодцах, в 39 верстах от Макарьева, с 78 дворами или слишком. 500 душ обоого пола и с церковью, а Малиновка при ручьях, в 35 верстах от уездного города, с 90 дворами или 472 (душ) населения в 1863 г. О. Б.

ко из себя ставят, а почти всегда покупают. Имея мало пашни и угодий, вообще они беспрестанно на воде возят соль и разные потребности, торгуют в Астрахани и по всей Волге своими судами. Морские расходы их ужасные. Я удивился, читая годовые счета, но они никогда не стоят за деньги, лишь бы их не трогали самих. Свобода для них первое благо: нарушить её в каком-либо отношении было бы бедственно для помещика, и потому они не могут быть на ином положении, как на оброчном. Помещику своему преданы и покорны. Они не выдвигали его в глаза с самых отдаленных времён, и явление моё у них казалось им чудом. Они от меня не отходили, глядели мне в глаза, окружали мой стол, когда я ел, и только на постели, ложась спать, я избавлялся от их присутствия: они поднесли мне 1000 рублей в подарок или, как ныне модным словом зовут, в пожертвование и, сверх того, осыпали меня яблоками своих садов, сотами и пряниками от своих пчёл и холстами от своей работы. При всех их добровольных приношениях и разных хороших свойствах, кои тотчас обнаружились, я заметил два нравственные отличные порока, от которых ни какое человеческое поучение их не исправит. Почти все они раскольники, и с крайним невежеством исповедуют христианскую религию, а сверх того большие сутяги и ябедники. Храм Божий у них в пренебрежении, знаменуются крестом не по нашему, ходят к богослужению редко, а иные и вовсе никогда. От этого жалко смотреть на внешний и внутренний вид церкви: иконостас едва держится, причту нет. Священник, хотя назван Благочинным, очевидно, потворствует расколу; ибо без того он бы не ужился с ними и таскался бы по миру.

Если бы приложить ухо к их жалобам со вниманием, то можно в один день прочесть кучу бумаг от них друг на друга, и с досадою всё бросить, без уважения потому, что каждая из них есть вывеска личных ссор и неудовольствий междуусобных. Тщетно, провождая с утра до вечера с ними день целый на дворе, я их мирил, уговаривал и сближал между собою. Ни что им не внятно, ни что их не убеждает: они привыкли ябедничать, пишут беспрестанно, платят за это деньги и никак не могут успокоиться. Для них легче тратить кучи денег, нежели отвыкнуть от ябедничества.

Девки идут замуж неохотно. Это требует всегда принуждения, и ежели бы, по филантропической заразе нынешнего века, не позволять иных браков, кроме самых свободных и по обоюдному согласию приготовившихся, то никого не обвенчают. Я вникал в это и говорю по опытам. Неволя в таком случае, хотя представляется противной естеству, религии и сердцу, однако же, она не делает их злосчастными. Поутру два семейства ссорятся: велют в них сыграть свадьбу – сперва поспорят путём, вопят, отворачиваются и делают разные фарсы. Через час всё прошло. Те же люди обнимаются, целуются, и не узнаёшь ни малейшего признака принуждения. Обвенчаются и счастливы. Я сам этому был свидетелем. Вот главные черты характера тех обывателей на малом лоскуточке просторного мира, которых закон гражданский дал мне право назвать моими...

.....

Лысково

Соседство Макарьевской ярмонки нас взманило. От деревни моей до неё 25 верст. Как отказать себе в таком живом удовольствии? Ярмонка продолжается слишком месяц, и лучшее её время было при нас. О чём долго думать? Решились и поехали. Там пробыли с 24-го по 30-ое июля.

Не доезжая до города, лежит на Волге село Лысково, принадлежащее князю Грузинскому¹. Тут пристань и нарочитый торг хлебом, во всякую

¹ С 3-мя слободами (Протопоповой, Выползовской и Казанской), теперь разноведомственные, при реках: Сундовике, Валове; и Медянке, в 4 верстах от Волги, а в 5 от Узед-

пору, а в ярмонку производится в шаашах продажа всего. Селение большое, богатое. Помещик человек отважный, что называется буян, занимаемая должность Губернского Предводителя, по тому, что он всех в окологде сильнее состоянием и отношениями: он вмешивается в дела каждого, судит и рядит по произволу, разбирает крестьян и дворянских и коронных в обыкновенных их распрях, а нижегородский народ до ссор охотник; следовательно, князю Грузинскому не без хлопот, и они всегда увенчаны удачным успехом; ибо он доказывает каждому вину его и правоту коренными русскими аргументами, т. е. кулаками: кому глаз подобьёт, кому бороду выдерет. Такова юстиция его светлости, и он такое взял над всеми жителями губернии преобладание, что никто не смеет на него пожаловаться: всё запугано пышным именем князя Грузинского, и одна угроза поселянина, что он пойдёт к его светлости, гонит всякого прочь безответно. Впрочем, что же такое князь Грузинской? – Майор отставной и Тит. Камергер: вот весь его наряд. Но богат, а пуще всего дерзок, и всё с рук сходит. Кого не купит деньгами, того силой прищемит. Селение его наполнено беглыми: они у него пристают, водворяются, торгуют, платят ему оброк, и никто пошевельнуть их не смеет. Правительство местное всё это знает, но молчит, потому что князь Грузинской, по связям своим с Двором, всегда надует такие тучи, от которых никто не спасётся. Я был свидетелем сам, проезжая на ярмонку, отменному злоупотреблению, которому он даёт повод и так гласно, что всякий его видит во все глаза. Из Лыскова переправляются через Волгу на берег к Макарью. По обширности торговли и сильному стечению людей всякого рода, паромов потребно множество, и в них не было бы недостатка, когда бы всякий обыватель мог содержать свой, заводиться судами и перевозить народ; но князь Грузинский, не допуская никого под разными предлогами, обратил этот перевоз в ужасный монопол, и, кроме крестьян, или тех, коим он дозволит, нет права никому держать ни парома, ни транспортного судна; от этого количество их несоразмерно с потребностью, сбор хотя и тахсирован прибитыми цыдулками на столбах у реки, но взимается самопроизвольно и крайне возвышен от недостатка в судах. Проезжие терпят долговременные простои на берегу, и часто едва в целый день успеешь с экипажами своими из Лыскова переправиться к Макарью. Таково владение князя Грузинского и его полезное распоряжение. Что я пишу здесь, то я сам видел и изыскал верными источниками. Сенатор Обрезков, находясь в Нижнем с Межевою Канцеляриею, гостил в это время в Лыскове и жил у князя Грузинского в особом доме, куда можно было приехать, не знакомясь с хозяином села. Мы у Обрезковых были один раз с коротким визитом, и в обращении их нашли главное своё удовольствие, по тамошнему месту. Они с нами обошлись ласково и как старые знакомые:

*Обрезкова! Лишь ты на свете семь одна,
В восторге божества на то сотворена,
Чтоб миру дать познать, в отрадах изумленья,
Неизъяснимые сердечны восхищенья.*

Я всегда обожал её прелести, и когда встречал взор её, поневоле писал стихи любовные; я весь был в восторгах, когда бывал с ней вместе.

Макарьевская ярмонка

Суэта всякого рода, общее стремление к торговле, движение огромных капиталов, утончённый обман в оборотах, заготовление всего на всю Россию, словом, центр всех купеческих расчётов. Вот что такое Макарьевская ярмонка.

ного своего города, с 926 дворами или 6000 населением обоего пола, 9 церквями, 3 Училищами (духовным, сельским и частным), больницей, аптекой, почтовой конторой, базаром, пристанью, 2 заводами и разными промышленными заведениями. О. Б.

Если вы хотите купить кстати и выгодно, что вам по хозяйству необходимо, приезжайте сюда, бросайте деньги, и увозите с собою разные товары. Сюда Сибирь, Астрахань, Таврида, Польша, Архангельск и Киев, привозят свои приобретения. Сюда со всей России ездят купцы скупать их, и потом, развозя по своим губерниям, дорого берут зимой с их жителей, за то, что, вместо их, они подумали об их нуждах и для удовлетворения прихоти предпринимали столь прибыточное путешествие: Но если вы хотите забавляться, искать общества приятного, кружиться в рассеяниях большого света, то объезжайте ярмонку, минуйте её лучше и не ездите сюда: здесь скучно, до крайности скучно. Не верьте в этом мне: я знаю, что старость сама по себе везде находит скуку; потому, что она с ней неразлучна; но поверьте молодым девушкам, кои со мною ездили. Я по их лицам узнавал, весело ли в комнате, или в рядах, так как по термометру узнают, хорошо ли в воздухе. Всякий день спрашивал их: «Весело ли вам здесь, барышни?» Один и тот же ответ: «Скучно!» И как иначе? В 20 лет хочется шуметь, плясать, резвиться, а здесь торг да торг. Кто скупил чай в одни руки и перепродал в полчаса с барышом другому, кто навьючил несколько возов книг на все Низовые губернии и рассчитывает на бирках, у лавки сидя, почему проданся Державин, сколько общему грузу в придачу отпущено даром Хвостовых? Иной на несколько тысяч валит карикатур сырых, только что изпод тиска, с эстафетою от Спаскаго моста присланных на распродажу по ярмонке. Там увидишь пудами покраденный неприятелем утвари церковные, а скупленные земляком, кои исправлены заново и за новые продаются ценой безбожной, хотя предметы все относительно к религии. Торг, торг и всё-таки торг. Это-то и красит ярмонку. Этого и делает её славной в России, да и везде. Но в 20 лет колоната широкая гораздо приятнее огромной ратуши в два этажа. Не станем спорить, что правда, то правда. Поговорим же о ярмонке, как о заведении торговом. Я имел случай рассмотреть со всех точек зрения ход этой многосложной машины потому, что Нижегородский прокурор, шурин мой Смирнов, у которого мы пристали, везде нас водил, возил и показывал всё как на лице, так и наизнанку; следовательно, я видел и худое и доброе; ибо может ли чего не досмотреть Прокурор, око, заимствующее лучи света непосредственно от ока Государева?

Макарьевской ярмонке, как и всем прочим, равно с нею знаменитым, находим мы начало в отдалённых временах. Мена товаров между великороссов и татар, потом мена сибирских произведений на здешние, и наконец стечение набожного народа к мощам чудотворца Макария, усилили время от времени торговлю здешнего края и укоренили здесь первую ярмонку в нашем государстве. Нет купца, который бы сюда не ехал; нет товара, какого бы ни возили от роскоши до необходимого, а эта лестница велика: вы всё здесь найдёте: наряды церквей, домов и людей. Множество модных лавок: где их нет! Без них, как без воздуха; не могли бы жить ни жёны наши, ни дети. Кареты английские и куклы троицкие; шварц-папель и ольховый стул; хрустальные люстры и кабацкие стаканы; парижский чепчик и оренбургский армяк; евангелие кованное и холуйская икона; соболь стотысячный и овчина; Рафаелова картина и мыши кота погребали; Ломоносов и Совестьдрал; жасминные духи и дёготь. Словом, всё, всё, чего угодно: все протиположности здесь соединяются и превращаются в империялы, в целковые, в бумажки, наконец, в огромные векселя.

От самого Лыскова до Волги начинаются шалаши, и чернь, толпясь тысячами на широких поймах, ищет разных своих потребностей. В заливах стоят суда с железом, стеклом, чугунными и всякими судоходными товарами; по берегу Волги рассыпаны лубочные лавки со всякой всячиной, и на каждом перекрёстке российские рестораны. Кадка с квасом, харчевня с блинами, самовар со сбитнем: зажиточный мужик просит и достает из него пуншу. По Волге плывут беспрестанно шляпки,

катеры, суда, паромы, а местами на якорях ждут обедал астраханские осётры, саратовские белуги, между тем как из садков поминутно таскают стерлядей в трактиры и Зарядья. На городском берегу Волги, где расположен город Макарьев, в 120 верстах от Нижнего¹, начинаются лавки со своими принадлежностями.

Гостиный двор

На песчаном грунте выстроено недавно несколько обширных корпусов деревянных, которые разбиты на номера и между собою разделены широкими проулками: в них производится торг и толпятся путешественники; посреди всех зданий поставлен биржевой дом или, так называемая, биржевая зала. Строение деревянное же, но весьма красивое; ему дан такой же фасад, какой имеет Санктпетербургская знаменитейшая биржа на Васильевском острове. Зала огромная и в два этажа. Вокруг всех корпусов прорыт канал, и по именному Указу сторожайше запрещено держать для чего бы то ни было огонь; внутри Гостиного двора, в лавках и во всей их площади, не позволяется даже иметь самовара. Сие самое препятствовало в биржевой зале дать бал, которая хотя и очень для забав общественных пригодна, но правительство местное не уполномочено позволить даже свечки зажечь во внутренней стороне канала. Осторожность необходимая! Ибо сие деревянное строение, по пространству своему, стало казне до нескольких сот тысяч рублей, если ещё и не за миллион. В нём считалось, когда мы были, в отдача до 1151 номера, и все были заняты красным товаром.

Вне Гостиного двора, т. е., против одного по улицам, расположены временные ряды, в которых отдавалось 977 №№; в них продавали: меха, фарфор, зеркала, экипажи, мебели и подобные тяжести, требующие широкого помещения; около их кочуют ремесленные разные цехи; ибо на Макарьевской ярмонке не только можно достать всё купить, но и всякое рукоделие готово.

За каналом отведены трактиры, кофейные, дома и все те предметы, кои принадлежат к насыщению людей, или прокормлению скота. Тут до 214 номеров наполненных съестными припасами разного рода и наименования, столовые приправы и прозябении земель плодоносных. И так во всех трёх разрядах считается лавок до 2.343, с коих доходу отдаточного казна выручила в 1813 год 118.368 рублей. И сия сумма ни когда не может быть подвержена недоимке; потому что каждый № отдаётся в наймы на следующий год при отъезде купца, с получением вперед за оной положенного казной вклада, без чего он и билета на занятие того № иметь не может. Всякий купец спешит удержать за собою место, дабы не перехватил его другой, и охотно платит тотчас взыскиваемую сумму, а сим самым обеспечивается доход Государственный.

Сверх всех сих лавок отдаётся из платы в казну до 37-ми внешних помещений между рядами для квасных выставок и до 70-ти разных посаженных мест на всей площади, занимаемой ярмонкой. Расстояние корпусов между собою представляет для свидания одно только неудобство: оно состоит в том, что публика слишком развлечена и нет соединительного для неё пункта. Когда один ищет серебра, другой за сто сажень покупает книги, третий ещё далее, в суконном ряду; и так везде кучки, а нигде множества нет вместе. От этого случилось и со мной, что я, не встретившись нигде в лавках с некоторыми знакомыми, узнавал по отъезде моём с ярмонки, что и они там же были. Возвратиться надобно всегда к первому заключению, что здесь всё для прибытка и торговли, а ничего для удовольствия общежития.

¹ Теперь, по показанию «Списка населённых мест Российской Империи (Сиб. 1863), в 107¼, с 311 дворами или около 1000 д(уш) обоего пола, церковью, Троицким Желтоводским монастырём, уездным училищем, почтовой станцией, пристанью Пароходного Общества и пр. Ярмарка его переведена в Нижний в 1817 г. О. Б.

Духовные торжества

25-го июля день праздника Макарьевского монастыря. Архиерей приезжал на ярмонку, и служил в нём обедню. Любопытство более набожности меня туда толкнуло, но теснота страшная скоро выгнала. Народу собралась множество. Моисей¹, епископ Нижегородский, мне был знаком ещё в первых чинах монашества. Я его помню префектом и так далее. Он служит не хорошо, т. е., без свойственной сану его величавости, и далеко отстоит в этом отношении, да думаю что и во всяком, от того образца, который долго служил ему предметом. Мы, москвичи, нагнадевшись на Платона, так избаловались во вкусе этого рода, что трудно будет кому-либо из иерархов российских после него понравиться нашим глазам и воображению. Однако Моисей сльвёт умным и просвещённым человеком. Он был пред сим в Пензе и оставил там по себе много сожаления. Кажется, что в Нижнем любят его меньше, да и сам он предпочитает ту епархию здешней. Раскольники, коими Нижегородская губерния населена, как воздух летний полон мух, много затрудняют его скромные упражнения и лишают досугов. Моисей вспльчив: довольно его увидеть один раз, и даже в самом храме Господнем, чтоб заметить, сколько мало он владеет собою; во время облачения он шумит, кричит и сердится за всякую пуговку, которую не так застегнёт служитель, за всякую ошибку, которую усмотрит около себя, или в хоре певчих. Отнесём ли это к строгому наблюдению порядка? Но и тогда трудно извинить за дурное движение рук, или непомерное возвышение голоса в Первосвященнике, который, но образу Христа, несёт крест его, готовясь к Литургии. Изображение страстей Владычных, которое епископ нам представляет, служа обедню, должно самого жреца приготовить к духовному смирению. Не будем слишком строги, простим немощи человеческие: всякий в своём теле им подвержен. Впрочем, Моисей заменяет недостатки свои многими талантами, и я ещё о нём говорить буду в другом месте.

Монастырь Макарьевский хорош, огромен и древнего строения; в нём много золота и серебра, на некоторых иконах живопись новомодная. Ярмонка доставляет ему удобный случай расширять свои сокровища и обогащаться ими. Архимандрит его из грузин, определённый недавно по предстательству князя Грузинского, и кавалер Св. Анны 2-й степени. Я его не знавал прежде и, не сведя с ним тогда знакомства, не могу ни чего об нём сказать. В наше время обновилась биржевая зала. Её освятили и открыли торжественно. Архиерей отправил молебствие с обычным богослужением, и купцы стали с бирками ходить в огромную залу рассчитывать свои прибитки. Приезд на ярмонку нового Нижегородского Губернатора, Г. Быховца, придавал важности сему событию. Он и вообще подействовал на все занятия тамошнего круга людей. Недавно был определён в сию должность, искал знакомства и скоро сделался точкой привлекательной на ярмонке. Всё ему рекомендовалось; между многими и я, как помещик, случайно познакомился с ним у шурина в доме и, глядя на него, имел случай вспомнить живо приезд свой в Володимир в первый раз. Восторги, ласки, похвалы, сопровождали его всюду. Встречи подобные всегда прекрасны, но проводы редко на них похожи, и право ни по тем, ни по другим, нельзя определить, кто был любим, или ненавидим, кто прямо заслужил первое и последнее.

1 В мире Михаил Близначев-Платонов сын священника села Тешилова Московской губернии Дмитровского уезда, учился в Троицкой Семинарии с 1780 года, кончил учение в 1791, но, по неимению учительского места при семинарии, митрополит Платон, желавший доставить ему оное, оставил его ещё год учиться, а в феврале 1792 определил учителем греческого языка, в 1795 и еврейского; того же года (14-го августа) постригся в монашество и на другой день назначен префектом, в марте 1797 соборный иеромонах, а в феврале 1800 префект Московской академии, 1804 ректор её, 1808 епископ Пензенский, 1811 Нижегородский, скончался в 1825 году. О. Б.

Нижегородский помещик, князь Шаховской, содержит театр, на котором играют его холопы. Какого ожидать дарования от раба неключимого¹, которого можно и высечь и в стул посадить² по одному произволу? Следовательно, и толпа его актёров, которых очень много, играет точно так, как вол везёт тягость, когда его черкас прутом гонит. Я не восхожу к причинам, от чего крепостной человек не может иметь превосходного таланта. Такое рассуждение не принадлежит к моему путешествию. Скажу только просто, что зрелища театральные весьма хороши в Нижнем для людей сего разряда, но, назвавши их актёрами, почти нельзя без отвращения смотреть на их телодвижения: они не играют, а, так сказать площадным словом, кривляются; но повторим, что для холопей и это больше, нежели чаять должно. В Нижнем построен хороший театр, но теперь руе о нём ещё речь. Князь Шаховской всякий год ставит на скорую руку для театра дощатой сарай на ярмонке и на весь июль привозит свою труппу. Там она отличается ежедневно всякий вечер: в 8 часов комедия, и все места заняты; они разделяются на ложи и кресла. Всё купечество стекается в сии последние. Мы почти ни одного не пропускали потому, что кроме него некуда ни идти, ни ехать, когда ряды затворятся. Рукоплескания не умолкают; после представления вызывают на сцену всех актёров по очереди потому, что каждый из них, особливо пригожие девки, кому-нибудь из зрителей понравятся. Самолюбие содержателя в превеликом торжестве, за которым следует и значительный прибыток. Цена за вход – московская, доход во время ярмонки превышает, кажется, многим доход годового содержания спектакля в городе. Декорации изрядны, по крайности, не отвратительны. Одевание хотя не всегда сообразно с характером пьесы, однако бредет. Больших ошибок я не заметил. Зала театра обширна и помещает человек до 1000. Оркестр княжий из его же людей и слуху не противен. Освещение всего хуже, потому что везде горит сало и обоняние терпит. Все сии зрелища напомнили мне театр Полтавский, который я описывал в путешествии моём в Одессу. Все эти подвижные труппы на один образец, и выбор пьес по ним. Князь Шаховской имеет то преимущество перед многими, что на его театре даются и оперы и балеты. Он щеголяет во всех искусствах.

Мне случилось видеть тут новый и приятный опыт народного восхищения. Два актёра Московского вольного театра, называющиеся Придворными, а именно: Гг. Кондаков и Лисицын, потерпев общее со всеми жителями столицы разорение, вздумали приехать на ярмонку и дать в пользу свою спектакль. Испрося на то дозволение Правительства, и наняв у содержателя на вечер театр, они распустили свои афиши. Соотчичи их, московские купцы, бросились в театр с восторгом. Все места были заранее расхвачены, до 1000 человек зрителей вместились в залу. Появление их на сцену было как бы электрический удар в руки каждого: всё забило в ладоши, всё затопало ногами. Из уст каждого слышен был один общий крик: «Наши, наши московские!» Тут не было внимания ни на игру их, ни на ошибки. Всё прощено, всё расхвалено, и по окончании зрелища новые крики раздались во всех концах театра. Все их спрашивали на сцену, и долго ещё, по отсутствию их, гул народный в театре не унимался. Вот как мила родина и всё, что из неё. Вольтерово венчание в Париже, когда давалась его Ирена (Irène), не блистательнее было настоящей минуты, как московские жители восхитились своими несчаст-

1 Неключимый, непотребный, негодный, неспособный; распутный, неисправимый; несчастный, погибший, горемычный и пр. – Вл. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М. 1956. (Ред.).

2 ... большие тиски утверждаются в стул, в чурбане; колодников сажали в стул, приковылали к обрубку; – Вл. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М. 1956. (Ред.).

ными соотечичами. Пусть скажут после, что Москва не ядро России и не вся Россия. Ежедневные зрелища могли бы наскучить! Нет! Всякий день театр полон. Никто не спрашивает, что играют, а играют ли? Как скоро театр отперт, все в него движутся, человек за человеком бежит туда, где найти надеется толпу. Люди друг друга ищут повсюду. Общество есть магнит каждого, кроме тех немногих уродов, коих мы зовём нелюдими. И в Риме родилась поговорка, которую свет твердить не перестанет во все времена и под всяким градусом: «Дай хлеба и игрушек! Panem et circenses!»

Забавы

Сверх театра, следующие предлагались народные увеселения за деньги:

1. Огромный лубочный манеж, в котором известная г-жа Киярини с мужем своим и семейством отличались в верховой езде. Все те, кои её видали прежде, соглашались в том, что подобной ей нет в искусстве равновесия на лошади. Она объездила все края Европы, везде ей удивлялись. Наконец, наскучивши большим городом, потому что одно да одно никому долго не нравится, г-жа Киярини разъезжает по ярмонкам и за рубль медный с человека скачет из всех сил. Охотники до конского ристания все почти туда съезжались, театр не отнимал у неё дохода. Многие поспевали поглядеть и на то, и на другое, и манеж также бывал наполнен, как храм Талии и Терпсихоры. Приехавши на ярмонку, лъзя ли отказать себе в каких либо её удовольствиях? И так мы раза с два заплатили дань Киярини. И он, и жена с отменным искусством волтижировали на лошадях. Скачки их чрезвычайны: непривычные глаза без страха не могли бы на них смотреть. Кажется, что на каждой минуте для них или смерть, или увечье готово. Удивительно, до какой степени тело человеческое гибко и может себя ломать в различных смыслах. Для сердца ещё удивительнее то, что есть в мире люди, толико или бедные, или праздные, что принуждены прибегать к сему средству пропитания, и сим доставать своё благосостояние. Лошади их не меньше людей приучены. Они так внимательны к голосу своих всадников, что безошибочно повинуются всякому их знаку, или движению. Что не покорно в естестве человеку? Все твари ему повинуются; жаль, что он собой самим не всегда может так владеть, как своей скотиной.

2-е. Чернь толпится в свои зрелища: для неё несколько привозится кукольных комедий, медведей на привязи, верблюдов, обезьян и скорморохов. Из всех сих забав мне случилось зайти на одну кукольную комедию. Описывать нечего: всякий видал, что такое; для меня нет ничего смешнее и того, кто представляет, и тех, кои смотрят. Гудочник пищит на скрипке; содержатель, выпуская кукол, ведёт за них разговор, наполненной чухи. Куклы между тем щёлкают лбами, а зрители хохочут, и очень счастливы. Всегда мне странно казалось, что на подобных игрищах представляют монаха и делают из него посмешище. Кукольной комедии не бывает без ясы. Я нахожу, что это вовсе неприлично, и дивлюсь, как это допускается. Со временем так приучат народ видеть чернеца деревянного с бабой в Комарицкой, что и на живого старца будут с теми же помышлениями посматривать.

3-е. Лотереи занимают так же многих: всякому хочется толкнуться в дверь счастья и попробовать удачи. Известно, что тут никогда нельзя выиграть столько, сколько проиграешь. Всё это так устроено, что как ни кинь костями, десять полтин прошвыряешь, и в 11-й раз нападёшь на лад, и что ж за свою убитую синюю бумажку получишь? Либо фунт пудры, либо наперник в два гроша: живой наклад! Все это знают, но всем хочется попытаться: и я, подобно другим, заходил в лотерею, прометал два рубли и выиграл роговой гребень гривен в шесть. Но содержатели сих игрушек знают, что всякий, кто ездит на ярмонку, откладывает сильную сумму на мотовство и хочет быть участником в некоторой доли

этой роскошной жертвы: контрибуция справедливая! Вспомним приговорку великой жены, которая в одном случае сказала: «Il faut vivre, et laisser vivre.»

4-е. Для меня собственно приятнейшим увеселением было катанье на Волге. Воды сей реки отменно широко разливаются под городом Макарьем. Многие имеют на время ярмонки свои шлюпки: гребцы на них ребята удалые, бурлаки настоящие. Сверх партикулярных лодок, военное начальство присылает небольшой отряд, для сохранения водяной безопасности и для погони, в случае нужды, за ворами. На одной, так называемой, военной шлюпке; катались и мы. Она была нарочитой величины и с зонтиком, 10 весел рассекали волны и споспешествовали скорому её ходу. 4 пушки, привинченные к борту, служили страшилищем для шагунов, а для нас умножением забавы. По просьбе нашей, из них часто стреляли, и нам казалось, что мы, как новые Колумбы, приближаемся к берегам Нового Света. Потеха эта стоила нам только 10 рублей, и погода жаркая того времени года составила для нас совершенный праздник на сей прохладной стихии. Признаюсь, однако, что с тех пор, как я тонул, я много удовольствия потерял в подобных прогулках, и вид огромного пространства воды возмущал несколько мои чувства.

Кроме сказанных забав Макарьевская ярмонка не доставляет никаких. Но весь день проведя в лавках, а вечер в театре, так утомишься к ночи, что ничего иного не захочешь, как забыть шум, улечься в постелю и покойно выспаться.

Французы

У Макарья, под названием арестантов, содержались человек 40 французов, не пленных и не больных, но присланных из Москвы на барках незадолго пред вступлением в неё Наполеона. Все эти иностранцы жили в столице по разным местам и занимались своим промыслом, кто-чем был горазд. Правительство, найдя их подозрительными, может быть, не столько по приличным винам, как по русской пословице, что у страха глаза велики, и что когда дела идут худо, на всех рассердимся, смешавши правого с виноватым, правительство выгнало всю эту шайку из Москвы, и я их наехал на ярмонке, содержимых в большом городском лазарете под присмотром. Шурин мой, убедя меня с собою к ним заехать, доставил случай распознать между ними одного старого француза, по имени St.-Agathe, который некогда жил у меня в доме и, обучая детей моих своему языку, отпущен был мною потому только, что не умел смотреть за поведением ребятшек: он был с ними слишком гибок и, разумея хорошо правила своего языка, не имел сил владеть юношеством: впрочем, был больше человек простой, нежели, что мы называем, крепкая голова. Я весьма удивился, найдя его в толпе людей вредных и заражённых духом своевольства. Поговоря с ним, нашёл, что он попал невзначай в эту компанию, ни мало не участвуя в чьём-либо мнимом, или не мнимом, преступлении. Общая участь простых людей попадать всегда не в своё место. Я пожалел его, но не мог ему быть полезен, сколько потому, что не имел на то средств, столько и из осторожности, которая, благодаря опытной философии нашего века, не велит нам делать и добра, когда оно может малейшее на нас обратить подозрние со стороны сильных. Я потужил о старом простаке Сент-Агате, и расстался с ним так, как встретился, т. е., без глубокого впечатления.

Чтоб увеличить несколькими строками эту главу, скажу здесь, что некоторые Владимирские купцы, торгующие на ярмонке, узнав, что я тут, были у меня и не забыли старого своего начальника. Они мне принесли фруктов и всяких съестных безделок, кои, не делая нашего богатства, ни их раззорения, всегда служат вывеской одного чистого доброхотства. Чем меньше я от них ожидал такой ласковости, тем больше был им благодарен. Сила всё берёт, но свобода редко чем-нибудь жертвует. Я о сем гово-

рю вслух для того, что если Бог не поставит мне в преступление всей той хлеба-соли, которую принимал я от подчиненных мне лиц во время службы, уверен, что люди, судя обо всём по своему, тот же апельсин простят отставному, за который, назвавши его взятками, готовы замучить чиновника наравне со святотатством. Это напоминает мне, что во дни некоего Министра, по представлению его, вышел Указ, запрещающий принимать даже русский калач, который поселянин подносил бы из добротства своему начальнику. Правосудие или бескорыстие самое строгое! Но знали тот, кто подписывал сей доклад, что сочинитель такого представления в то же время сам наживал, вместо умеренной хлеба-соли, целые деревни, и жил роскошнее своего превосходительнаго Катона: вычищать пятны с кафтана, или сметать только пыль, суть две вещи разные, как бы:

*Мышонка в западню за корочку сажать,
А крысу в аржаном анбаре не замать.*

31-го июля заехали мы опять в свою деревню, которую зовут Малиновкой. Она в 5-ти верстах от нашего села и почти на самой большой дороге к ярмонке. Местоположение прекрасное, селение растянуто на пригорке и уподобляет её швейцарским ландшафтам. Мужики зажиточны и живут хорошо. Тут меня приняли с новыми восхищениями, кои не менее наполняли воздух моей атмосферы, как и народные клики целой области при въезде своего повелителя. Энтузиазм имеет везде одни и те же признаки: восторг в малом круге людей также силён, как и в большом скопище. Поговоря со своими мужичками, как отец с детьми, я у них ужинал и ночевал. Всякое жилище человеческое представляет в малом виде целый мир: те же хитрости, уловки и льстивые обращения; клевета на старых управителей матери моей часто доходила до ушей моих. Последний мой мальчишка более был угощаем, чем первый служитель покойной моей матери. Тогда едва бы и меня заметили, а ныне я казался божеством, с тою разницею, что мужик, не читавши Римской истории, не умел уподоблять меня Титу, Антонину и прочим. Та же заманка, те же чувства, но оболочки не так красивы. И что мы называем по условию восхищением народным в целом государстве, то же самое часто называем подлостью между простолюдинов, не разбирая, что золотой кафтан, или шитый мундир, ту же скрывать может раболепную душу, как и серый армяк. 1-го августа мы слушали обедню в своём селе, ходили по обычаю святить воду в колодезь, и священник с большим искусством старался креститься, по-моему, дабы не обнаружиться раскольником, или, по крайней мере, явным покровителем своих овец, которых он, не имея возможности унять, принуждён, ради хлеба, делать им поблажки. На другой день мы совсем простились с нашими поселянами и воротились на ярмонку. Итак деревня сама по себе сделалась не столько главным предметом нашего путешествия, как мы того чаяли, ехавши в оную. Забавы взяли перевес у пользы. Вещь не новая. И я бы себе этого не простил, если бы не удостоверился на месте, что глаз самого помещика в оброчной деревне мало даёт занятий. Всё оценено, взвешено и измерено. Остаётся получить доход по почте, и слегка присматривать издали за некоторыми частными мелочами, которые, по характеру тамошних крестьян, ни при помещике, ни без него, лучше идти не могут.

Приехавши на ту же квартиру, т. е., к шурина, нашли ярмонку гораздо пустее: все уже почти разъехались, кроме купечества и театра; пошатались ещё в рядах, были в спектакле, видали балет, и всем тем наскучивши довольно, решились 3-го августа выехать в Нижний. Родственникам моим хотелось угостить меня в городе, и я нашёл собственное своё удовольствие в удовлетворении их желания. Отправились мы все вместе; обоз наш составился очень велик...

.....

От ярмонки верстах в 10-ти проезжать надобно ручей, называемый Керженец: плот маленький, а вода быстра. Советую, несмотря на малое пространство сей речки, брать большую осторожность потому, что и в ней можно тысячу смертей найти. Меня мой собственный опыт научил в селе Мыту, что и не в одной Волге утонуть можно.

Подвижная наша колония ночевала в Плотинках¹. Село казённое: избы хорошие; летний вечер скоро проходит на чистом воздухе. Ярмоночные анекдоты заняли нас очень приятно. Всякий рассказывал свой, все грохотали, а шурин, как муж степенный, сидя между молодежи, потягивал хладнокровно свой пунш. Резвость дала всем нам покойный сон, и мы не очень рано поднялись с места.

Поутру, 4-го числа, взявши лошадей прогонных, отправили своих порожняков вперёд, приехали обедать в село Рожново². Оно было Дворцовое, а император Павел пожаловал его Плещееву. Отсюда до Нижнего оставалось 25 верст, но вся сия дорога утомительна от песков. Мы прибыли к пристани не поздно, нас ожидал хороший дощеник для переправы повозок. С этой стороны Нижний не очень красиво представляется; от берега до другого почитают версты 4 расстояния. Мы все, и с людьми нашими, уселись в большую лодку. Гребцы принялись за свое дело: мастера управлять веслом. Безопасность судна, спокойная поверхность реки, тихая погода, всё это не отнимало у меня страха. Я зачал побаиваться водяных прогулок; пословица недаром говорит: «Пуганая ворона куста боится»; плыли мы довольное время, хотя скоро шли по воде; и, наконец, причаили к берегу. Я первый выскочил из корабля, и очень отдохнул, как ступил на матёрую землю. В Нижнем остановились мы у шурина в доме, и, разумеется, нашли с приятностью родства все прелести, какие только совместны с подобной кочевой жизнью.

Оставя далеко за собою Макарьевскую ярмонку, я ещё поговорю об ней; повторяя, что она первая в России в отношении к торговле, но не скажу, чтоб она равнялась с Коренной в рассуждении веселостей публичных. Там люди не ласковы, это правда, не гостеприимны и с инородным обходятся даже слишком холодно, но, по крайней мере, и друг, и недруг – все вместе. После театра всегда публичный бал, Дворянство съедется: молодые люди пляшут, пожилые играют в карты, словом там живут, а у Макарья один театр, после которого всякий едет домой и ложится спать. Нигде ни найдешь множества, все разбредутся по кучкам. Для меня это было очень выгодно потому, что я поздно сидеть на праздниках не люблю: мне бы в полночь в постелью да и грезить. Но не все, как я, без зубов и без многого нужного для рассеянной жизни. Молодость хочет резвиться: это стихия их моральная, а потому для наших барышень ярмонка была посредственно весела; если бы не случилось тут моей родни, некуда было бы, собственно о забавах говоря, и двух дней девать.

Купечество там проводит время гораздо приятнее нашего. Сходбища их в трактирах, которые все прекрасно освещены, и как скоро кончится зрелище, то все торгоши кинутся туда искать, кому чего надобно. Там шашки, ламуш, бездонный самовар, реки пуншеевые, столы для ужина, по всем залам. Иной пьёт, иной козыряет, иной смакует звено белужины. В особых покоях, под надзором старых Лаис, можно, со всякой скромностью, поцеловать молоденькую красотку и, в случае короткого знакомства, запереться с ней на приватную аудиенцию. Народ этого пола не спесив и амур покупается довольно сходною ценою.

Шурин мой охотник до всего вещественного и сильный натуралист, хотя уже с хорошим хвостом полвека прожил. Он меня по всем этим очаровательным дворцам водил. По милости его я всё видел, любовался

1 Или Плотинка, при болоте Нивке, с 40 дворами или около 150 душ обоего пола. О. Б.

2 Иначе Ватома, при речке Ватоми же, в 90 верстах от своего уездного города, с 34 дворами или около 200 душ обоего пола, с церковью, училищем и ярмаркою, О. Б.

освещением, пил шампанское из рук снисходительной кумушки, которая девочнок с десятью привезла с собою на ярмонку, чтоб показать, что и под старость она не без пользы живёт на свете. И я издержал в её обществе несколько поцелуев, но, увы, только! по чести говорю только. Амур оставил про меня мелкую свою монету, а старинного рубля уже ни одного не осталось: природа снабдила было меня ими довольно, но я с молодю был мот, слонялся не на одних ярмонках, и весь капитал свой, к несчастью, рано прожнл; дорого бы дал за целковой, но уж негде взять. Расплачиваюсь медью, да и той не так-то уже много; скажу как в песне:

*Увы! Проходит всё с годами,
И рад любить, да не могу.*

Новый проект

Выполнивши моё намерение, я не находил причины долго жить в Нижнем; но, любя путешествовать в хорошее время лета, мне не хотелось рано воротиться в подмосковную, на коренное своё гнездо. Человек обыкновенно, удовлетворя одному желанию, тотчас питает новое, и из всякого нашего поступка рождается начало новой затеи. Так и я, сочтясь с деньгами, задумал съездить в Пензу, в старое моё жилище и повидаться с людьми, кои, лет 15-ть меня нигде не встретив, сохранили ко мне приятнь, тем драгоценнейшую, что она никакой корыстью не могла быть возбуждаема. На что я был кому-нибудь в Пензенской Губернии?

Какой-то Государь сказал своему Министру: «Моё дело объявить войну, а твоё сочинить манифест и дать ей предлог». Рассудок наш точно такой же Министр при дворе нашего сердца. Оно захочет, а тот выдумает причины. Какой прекрасный подвиг ехать верст 700 нарочно с тем, чтоб оказать дружбу и признательность людям добрым и постоянным! Это говорила моя голова, дабы сноровить непременно моему производству, тратить деньги на путь ненужный, но только приятный. Мы редко любим осуждать наши прихоти, всё хочется представить их в лучшем виде. Читатель увидит, по крайней мере, что я не лукав и не таю моих помышлений...

.....